

Олег Черницын

Олег Анатольевич Черницын – родился в 1956 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Служил в Советской армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в Органах внутренних дел. Лауреат премии «Национальный Олимп». Неоднократно печатался в журналах «Берега», «Тобол» (Курган), «День и ночь» (Красноярск), на порталах «Православие.RU» (РПЦ, Москва) и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества, Минск). Произведения переведены на азербайджанский, английский, сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе OEBF «Open Eurasian – 2016» (Лондон). Финалист конкурса сказок Литературного института им. А. М. Горького в 2020 году, в этом же году издана книга его сказок. Автор книги прозы «Без ретуши». Живёт в Екатеринбурге.

ХАМЛО

Рассказ

Отвечая хаму хамством, мы освобождаем его от дискомфорта одиночества.

Грамм хамства перевешивает килограмм вежливости.

В самом приподнятом настроении я возвращался с дачи домой. На любимой волне звучала красивая музыка, в автомобиле было тепло и уютно. В начале октября темнеет рано, и город скоро поглотил меня в свои сумерки. Таяли контуры домов, и только окна-светлячки выдавали их присутствие. Два дня назад я вернулся из паломнической поездки по православным храмам и монастырям нашего края и всё ещё был под впечатлением увиденного и узанного. Очистился душой и телом – наверное, так можно было определить мои ощущения после той поездки. К тому же путешествие было специально спланировано в венец золотой осени, а это на Среднем Урале более чем нечто... Словом, я переживал те самые не частые моменты в жизни, когда всё было очень и очень хорошо...

Неожиданно сзади раздался продолжительный звуковой сигнал, и через секунду круто тюнинг-ованный автомобиль обогнал меня, дерзко перегородив дорогу. Благо удалось вовремя среагировать и затормозить. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать – из спортивного авто выпало что-то квадратоподобное и решительно направилось ко мне.

«Не было печали, так черти накачали», – промелькнуло у меня в голове. Неприятно вспомнилась телепередача «Дорожные войны»: разборки, потасовки, разбитые машины...

Дверь моей VOLVO резко распахнулась: квадратная мужская фигура, короткая причёска. Объёмная куртка и брюки не позволили в темноте сразу угадать представительницу прекрасного пола. То, что оказалось женщиной, было малого роста, поэтому наши глаза оказались на одном уровне.

– Ты чо?! – взвизгнул квадрат лающим фальцетом.

Это, пожалуй, было самое приличное из последующего бурного монолога, который вряд ли опубликовала бы даже самая смелая и независимая пресса... Я не ханжа, но услышанное привело меня в кратковременное замешательство. Что уж говорить о моей интеллигентной «шведке»... На мгновение представилось, что откуда-то из подворотни на меня напала взбесившаяся дворняга и того гляди вцепится в мягкие места.

Может быть, я тоже применил бы пару-тройку лихих словесных оборотов (чтобы знали, что мы тоже *могём*), но передо мной стояла женщина – какая-никакая, но женщина!

Расшифровав услышанное в свой адрес, я понял, что общий смысл претензий был прост: *не видишь – Я еду! Дорогу мне, дорогу!* Излив свои эмоции, квадрат замолчал, вероятно, ожидая моего ответного слова, дающего повод для каких-либо дальнейших действий – наверняка неадекватных и чреватых для меня. Но, к его сожалению, я не был расположен к диалогу, тем более в таком стиле, и упорно молчал. Во-первых, я действительно был безукоризнен перед Правилами дорожного движения. Во-вторых, сработала инерция хорошего настроения. Мне просто стало досадно от случившегося, и я равнодушно, скучно и с грустью смотрел в расстреливающие меня глаза возмущённой, глубоко оскорблённой «дамы».

Сколько я держал эту театральную паузу – минуту, две? В итоге психанувший квадрат, со вкусом выдал свой последний аккорд, наделив меня определением, за которое в некоторых кругах лишают жизни, минимум – языка... Злобно захлопнув дверцу моей окончательно смущённой «шведки», ночная незнакомка заскочила в свой автомобиль и скрылась, оглушив меня рёвом форсированного двигателя.

– И «чо» это было? – спросил я своё отражение в зеркале заднего вида. Отражение недоумённо пожало плечами...

Как ни странно, я не испытывал никакого волнения и чётко осознавал, что поступил верно, не опустившись до уровня автомобильной хамки. «Хамство, оставшееся без ответа, захлёбывается самим собой» – к месту вспомнился мне мудрый афоризм.

Но какова! Как налетела – «с ходу, с лёту, с повороту!». А вдруг бы я был не простым смертным, а, к примеру, полковником ФСБ? Или депутатом какой-нибудь думы? Или...

– А мне пофиг! – словно бы донёсся до меня визг квадрата...

Поставив автомобиль в гараж, я не спеша брёл домой. Окончательно стемнело, наступившая темнота располагала к размышлениям.

Как всё непостоянно и непрочно в этом мире... Ещё каких-то полчаса назад я был полон восторгами и радостью жизни: очарованием золотой осени, светлыми воспоминаниями о душеприятном путешествии, стихами Есенина, звучащими в те дни в честь юбилея поэта отовсюду – и вдруг всё это осталось где-то в стороне и не со мной...

«Как в душу плюнули! Натоптали, нагадили! Ведь только очистил её, отмыл, простирал!» – подумалось мне тогда.

Вдруг захотелось принять душ – долгий, холодный.

И ещё одно не давало мне покоя: где я уже встречал это хамло? Какие-то лица и события вихрем вертелись в голове, но я никак не мог вспомнить...

Да, конечно! Встречал, и не единожды!

Встречал. В регистратуре нашей районной поликлиники. Где ярко размалёванная девица с явно еле-еле полученным средним образованием, почувствовавшая некое своё превосходство над обществом, громко прихлёбывая чай, кричала в окошко-амбразуру: «Нет талонов! И не будет! Чо непонятного? Талон ему...»

Встречал. На рынке. Разудалую торговку китайско-турецким ширпотребом из проржавевшего контейнера. В стёганных ватных штанах и объёмном засаленном пуховике, в перчатках с оголёнными пальцами (чтобы удобнее считать деньги), не к месту вызывающе унизанными дорогими перстнями.

– Умер Максим, ну и х...р с ним! – позировала она перед коллегами-реализаторами и покупателями, демонстративно согреваясь очередной порцией спиртного. – Эх, греет! Как под мужичком поробила!

– Слышь, Верунчик, плесни и мне, а то у меня от холода матку свело! – без оглядки на окружающих вторила ей соседка по торговой точке.

– Ой, Верочка! Ой, бедовая! Дай-то боже тебе жениха хорошего! – заискивала перед «миссис рынка» какая-то старушенция, явно надеявшаяся на персональную скидку.

Встречал. В Турции. Росейских барышень, разморённых жарой и местным спиртным сомнительного происхождения, с орущей на весь пляж привезённой с собой магнитолой. Дико горланивших припев «Владимирского централа», в упор не замечающих соплеменников по отдыху.

– Утони, коза! Будешь ещё учить нас жить! – досталось девушке с ребёнком, решившейся призвать певиц к порядку. Прилетело и нам, поддержавшим смелую мамочку...

К месту вспомнился случай, рассказанный гидом при моём посещении Парижа. Приключилось это на Вандомской площади, знаменитой не только своей бронзовой колонной, воздвигнутой ещё Наполеоном I, и фешенебельным отелем «Риц», но и бутиками известнейших ювелирных фирм. В один из них и ввалилась разгуливающая, хорошо подвыпившая компания российских туристов, внёсшая с собой хаос и кавардак, никоим образом не соответствующие этому элитарному заведению. Наши сограждане атаковали и чуть не снесли прилавки, умудрившись облить их баночным пивом, тыкали пальцами в эксклюзивные шедевры, орали наперебой, требуя показать товар лицом. Рисуюсь и стараюсь перещеголять друг друга, они реально намеревались прикупить «брюликов и чёрных жемчугов» на весьма внушительную сумму.

В разгар вакханалии в бутик зашёл француз, которому ничего не оставалось, как прижаться к стене и наблюдать. Далее всё произошло неожиданно и непредсказуемо – элегантный менеджер заведения категорически объявил туристам, что обслуживать их не будет и попросил покинуть помещение. Это прозвучало как гром среди ясного дня...

– Ты чо, мусью, нюх потерял?! Без работы хочешь остаться?! Мы налом платим! Не ссы, получишь на чай!

И только заявление менеджера, что он вызывает полицию, охладило пыл «крутых» покупателей.

Мораль? Просто-напросто менеджеру бутика важнее было сохранить лицо заведения перед постоянным покупателем, изредка приобретающим здесь подарки для своих жены и дочери, пусть даже всего на сотню евро, чем упасть в его глазах, обслуживая залётных хамов, одуревших от привалившего шального «бабла». Невзирая на явно упущенную выгоду...

– Да уж! – как говаривал незабвенный Киса Воробьянинов.

– Да уж! – с досадой вторю я ему сегодня. – Совсем беда, когда нувориш по сугубо своему личному пониманию уверует, что олицетворяет собой высший круг общества, при этом не потрудившись подняться на более высокую ступеньку своего духовного и нравственного уровня. Вот уж, действительно, – из грязи да в князи (будучи сам из рабочей семьи и начав свою «карьеру» со слесаря, прошу корректно понимать это народное выражение). Хотя правды ради надо сказать, что номинантом на *непочётное* звание «Заслуженное Хамло» могло бы стать и немалое число представителей нашего общества, считающих себя его элитой...

Сколько же перестроек нужно пережить нашей стране, чтобы изжить такой порок, как хамство? Сколько разработать и принять новых школьных программ? Сколько потратить нервов, получить синяков? Сколько должно смениться поколений?.. Когда же наконец наука изобретёт чудо-препарат под названием «Хамовит»?

А может, извините, плюнуть, махнуть рукой от безнадёги и не замечать *этого*? Надеть розовые очки, облачиться в черепаший панцирь, или просто-напросто стать своим этому сообществу?

– А ни фиги! Перебьётесь! – вновь раздалось эхом визжание квадрата.

Многое ещё легло на ум относительно случившегося со мной этим вечером и поиска рецептов искоренения такого отношения человека к человеку, как хамство. И, доведя свои размышления до искреннего сожаления о некогда отменённых дуэлях, влиянии Октябрьской революции 1917 года и лихих 90-х на неожиданно взволновавший меня вопрос, я незаметно оказался у своего подъезда. А, придя домой, я всё-таки принял долгий бодрящий душ и засел, чтобы написать всё это.

Зачем?..

«ХЛЭБ!»

Было это в середине 90-х годов уже прошлого столетия. Подзабылись анекдоты про перестройку и ускорение. Со сменой одного амбициозного лидера на другого, не менее себялюбивого, и распадом СССР перед новой страной стояли новые задачи, главной из которых была задача выжить. Выжить России, выжить её народу. Экономика трещала по швам, Госплан приказал долго жить, ранее могущественные министерства оказались недееспособными, канули в Лету партийные съезды и пленумы. Внезапное исчезновение «больших» денег из оборота породило бартерные отношения – нелепые

и дикие для некогда мощной во всех отношениях страны, которые определялись примерно так: ты уголь – тебе стройматериалы, тебе металлопрокат – ты бытовую технику, ты водку – тебе тушёнку. Это я рассказываю для тех, кто не застал те «весёлые» времена...

Вместе со страной выживало и малое предприятие, в котором в то время я работал одним из руководителей. И хоть оно и имело статус государственного, по сути, государству оно было по барабану. Как говорится, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих!». Пожалуй, это был лозунг каждого предприятия, каждого колхоза, даже, как ни парадоксально, каждой воинской части. И наш тоже. В условиях общего хаоса нужно было организовать стабильное производство, сохранить коллектив и обеспечить реализацию своей продукции, желательно, за «живые» деньги. А для этого надлежало налаживать связи с «державшимися на плаву» её потребителями как в России, так и в бывших республиках СССР.

С этой целью и прибыл к нам «в гости» коммерческий директор таджикского колхоза-миллионера. Сам приехал, чтобы лично познакомиться с возможным поставщиком и увидеть товар лицом. Дородный мужчина лет пятидесяти, ухоженный, одетый с иголочки, пользующийся элитным парфюмом, с золотой печаткой с бриллиантом на мизинце. Два полных рабочих дня он добросовестно посвятил осмотру нашего производства, согласованию сроков поставки и, конечно же, выбиванию лучшей стоимости. По завершении дел гость попросил сопроводить его на железнодорожный вокзал, чтобы приобрести билет для своего дальнейшего следования. Я вызвался стать его провожатым, что, в общем-то, было логично: я курировал приезд уважаемого заказчика, принимал активное участие в подготовке контракта.

В хорошем расположении духа, ведя непринужденный разговор, мы прибыли на вокзал и направились к билетным кассам. Вдруг мой спутник остановился, переменился в лице и с криком: «Хлэб! Хлэб!» – бросился под ноги спешащих граждан. Не понимая, что произошло и почему он кричит, я первым делом поднял из грязной жижи (а дело было в конце марта) его светло-коричневый, под цвет дублёнки, натуральной кожи кейс-дипломат, чтобы разношёрстная привокзальная публика часом не прибрала его к рукам. В это время наш гость подобрал что-то с мостовой, повернулся ко мне, и в его руках я увидел краюху хлеба, простого серого хлеба. Он держал её в ладонях на вытянутых руках как что-то очень-очень ценное. Солидный импозантный мужчина с ломтем грязного хлеба...

– Олэг! Да это же хлэб! Хлэб! Как же так?!

Не знаю, кто и что мог подумать об этой сцене, но мне стало не по себе. И вот по каким причинам.

Я вдруг реально осознал, что преспокойно, с чистой совестью прошёл бы мимо этой краюхи, если бы был один. И это я – в прошлом занимавшийся «коммунистическим воспитанием молодёжи», я – отец двоих детей!

Мало того, поймал себя на мысли, что моей первой реакцией на произошедшее было желание предложить гостю бросить «это дело» и двинуться дальше!

Меня охватил стыд. Жгучий, пробирающий до последней косточки. Мне действительно стало стыдно, очень стыдно. За свой народ и прежде всего за себя...

И надо же было откуда-то взяться этой осьмушке! Будь не столь многолюдно, её давно бы склевали вечно голодные воробышки или голуби или схарчила какая-нибудь собаченция. А тут на тебе – такая оказия!

Наш приезжий стоял с вытянутыми руками и смотрел мне в глаза, словно вопрошая: «Что же вы творите, люди добрые?!»

А я должен был ответить ему за себя, за всю Россию-матушку. Но ответить было не-че-го! И, смотря куда-то под ноги, я, как ученик, не выучивший урок, невнятно пробормотал себе под нос: «Да, бывает ещё... Бывает...»

Гость же молча смотрел на меня: недоумение, возмущение, укор – всё смешалось в его глазах. Видимо, поняв, что более благоразумного ответа не услышит, он, бормоча что-то, направился к зданию вокзала, не опуская рук и держа хлеб в ладонях. Видели бы вы, как он нёс эту краюху! С уважением и трепетом, как пригоршню ледяной родниковой воды к пересохшему рту под раскалённым таджикским солнцем, дорожа каждой каплей спасительной влаги. Подойдя к парапету здания вокзала, он бережно положил хлеб, обдув его и обтерев белоснежным носовым платком...

Потом мы долго молчали, думая каждый о своём. Постепенно разговорились, но о случившемся не вспоминали.

Расстались добрыми друзьями, а впоследствии и контракт был выполнен качественно и в срок. Немало времени прошло с тех пор. Вспоминает ли тот случай мой таджикский знакомый? (Да был бы жив!) А я вспоминаю. И каждый раз при этом меня опять и опять разъедает всё тот же стыд. И страх. Страх перед тем, что случилось с нами и что ещё может случиться. Почему, почему народ, не понаслышке познавший массовый голод в тридцатые годы с миллионами человеческих жертв, карточную систему на хлеб, осьмушки и полушки Великой Отечественной войны, переживший блокаду Ленинграда с его Дорогой жизни и Пискарёвским кладбищем, может топтать хлеб в грязном уличном месиве?! А ведь голод не обошёл и мою семью: самой заветной мечтой моей прабабушки во время войны было в полный рот откусить простого чёрного хлеба и досыта накормить им детей!

Всем нам со школьной скамьи прививали уважение к тяжкому труду селянина-хлебороба:

Хлеб – всему голова!

Каждую крошку – в ладошку!

Хлеб – наше богатство!

Кто из людей моего поколения и старше не помнит эти лозунги, призывавшие со страниц газет, стен столовых и кафе, звучащие из уст государственных деятелей? Или попривыкли мы к ним, «глаз замылился»? Знали, да забыли? Верно заметил кто-то: «Запомнить трудно, забыть легко!» А что же говорить о «поколении пепси и чипсов»?

Но почему не забыл тот успешный и далеко не бедствующий таджик-коммерсант, бросившийся в грязь за куском хлеба, чтобы спасти его от попирания? Помнит своё босоное детство в многодетной семье в далёком горном кишлаке? Кстати, так же как и я, «сделанный» в СССР! Или это генетическая память инстинкта самосохранения и выживания, унаследованная от предыдущих поколений его народа, познавшего голод и лишения? А наша-то где?..

Честно говоря, позавидовал я тогда восточному гостю. Его нравственности и верности памяти о том, о чём забывать нельзя. По-хорошему позавидовал. Искренней белой завистью и со скрытым восхищением. С таким же восхищением я наблюдал за уважительным отношением к старикам в южных республиках бывшего СССР, в Китае. За тем, как чтут свою культуру мигранты, заполняющие Россию и Европу.

Так почему *это* произошло с нами? Трудно мне ответить на этот вопрос в полной мере, да это и не цель моего рассказа. Сыты стали, одеты-обуты? Каждый укрылся в собственной толстостенной раковине? Горя давно не было – большого, на всех? (Да и не дай бог!) Но чтобы его не было, нужно включить память, не терять свои корни и кровную духовную связь со своей историей и друг с другом!

* * *

Много раз я рассказывал эту историю своим друзьям, родственникам, детям. Придёт время, внукам поведаю. Честно, всё как было. Как их дед опозорился (чего греха таить!) на той привокзальной площади. И каждый раз это будет исповедью и покаянием за мою непростительную забывчивость о святом. А ещё благодарностью тому заезжему таджику за урок – *урок нравственности*. И наверное, до конца своих дней, как напоминание о чём-то очень важном, я буду слышать из далеких 90-х его крик: «Хлэб! Хлэб!»

